

МОЛИТВА —
песня безмолвия

ОШО

Бхагаван Шри Раджниш (Ошо)

Молитва – песня безмолвия

Серия «Путь мистика»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42396076

*Бхагаван Шри Раджниш (Ошо). Молитва – песня безмолвия: ОАО
«Издательская группа „Весь“»; Санкт-Петербург; 2006
ISBN 9785957307358*

Аннотация

Что такое молитва? Бы не найдете ответа на этот вопрос в этой книге. Но может случиться другое – в вас может проснуться стремление проникнуть в суть молитвы, желание получить собственный опыт глубокого слияния с Существованием и готовность встретиться с новым измерением бытия.

«... Я не могу дать точного определения – я могу только указать. Я могу намекнуть. Какие-то указания, намеки я могу тебе дать, но познать молитву ты должен будешь из собственного опыта...»

Книга также выходила под названием «Музыка души».

Содержание

Что такое молитва? Каково ее точное определение?	6
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Бхагаван Шри Раджниш (Ошо)

Молитва – песня безмолвия

© 2004, Osho International Foundation, Switzerland.
www.osho.com

© Оформление. ОАО «Издательская группа „Весь"»,
2006

© ОАО «Издательская группа „Весь"», 2006

Что такое молитва? Каково ее точное определение?

Молитва – это переживание воскресения, это возрождение, это рождение нового видения... это новое измерение, это новый взгляд на вещи, это новый образ жизни. Не нечто такое, что ты делаешь; но нечто такое, чем ты *становишься*. Это состояние бытия – не имеющее ничего общего со словами, которые ты произносишь в храме, мечети, церкви.

Это безмолвный диалог с существованием.

Это сонастроенность со всеобщим, с целым... войти в гармонию с целым – это молитва. Это опыт великий и безграничный, и никакая *точность* в нем невозможна. Он неопределим; любое определение несоразмерно мало. Любое определение передает какую-то часть, но всего лишь часть. Многое остается недосказанным.

Опыт молитвы настолько всеобъемлющий, что содержит в себе противоречия. Поэтому кто-то может сказать: «Молитва есть молчание» – и будет прав, абсолютно прав. Кто-то другой может сказать: «Молитва есть диалог» – и тоже быть правым, потому что молитва есть диалог в молчании. На первый взгляд «диалог» и «молчание» противоречат друг другу. В диалоге говорят, в молчании слушают. В диалоге беседуют, в молчании просто пребывают: сказать нечего.

Что можно сказать? Ты можешь склониться в поклоне. Ты можешь праздновать. И все-таки твой поклон, твоё служение, твоё празднование, твоя благодарность... всё это по-прежнему попытки высказать. Ты пытаешься высказать без слов, потому что слова так малы, а сердцу хочется высказать себя так полно. Итак, это диалог, хотя и в молчании. В каком-то смысле это беседа, в которой участвуешь ты и всё существование, – существование, которое становится твоей возлюбленной, которое становится твоим «Ты». И всё же в молитве нет ни «Я», ни «Ты» – одно и другое исчезает. То и другое сливается воедино, соединяется в одно целое, органическое целое. Как капля росы в океане, ты исчезаешь. Ничто не разделяет тебя и существование. Какой может быть диалог?

Оба определения верны. Те, кто называет молитву диалогом, – как христиане, как иудеи, как индуисты, – правы. Но они говорят лишь о частице величайшего опыта, называемого молитвой. Буддисты говорят, что диалога нет. Джайнизм говорит, что диалога нет, – потому что нет ни «Я», ни «Ты». Лишь абсолютное молчание. Они тоже правы – но правда и то, что подходить к молитве *точно* очень трудно.

Молитва должна оставаться размытой, неуловимой, без чётких очертаний. Молитва должна оставаться непостижимой. Ты видишь её лишь мельком, словно мимолетный проблеск, но не можешь уловить целиком, потрогать руками. Она не сводится к простому определению.

В отличие от науки, религия не может давать определений. Если спросить науку, в науке все точно. Ты спрашиваешь: «Что такое вода?», – и наука говорит: « H_2O ». Так просто! Исчерпывающе просто. « H_2O » – и этим все сказано, потому что вода относится к объективному миру. Объект поддается анализу.

Молитва относится к миру субъективности. Это не объект, который поддается анализу. Собственно говоря, молитву нельзя никому показать. Если кто-нибудь станет настаивать: «Что-то я не вижу в тебе никакой молитвы», – ты не сможешь показать ему свою молитву, не сможешь даже доказать ее существования. Молитва похожа на любовь – скорее на любовь, чем на H_2O воды. Любовь столь же неопределима.

Всегда помни: есть вещи, которые под тобой, а есть вещи, которые над тобой. В тех вещах, которые под тобой, возможна точность. Но в тех вещах, которые над тобой, ты не можешь быть точным. Они больше тебя. Если существует молитва, не молитва существует в тебе – наоборот: ты существуешь в молитве. Молитва выше тебя. Ты просто вибрируешь в этом необъятном измерении, в этом сверхизобилии.

Но нас учили, особенно в нынешний век науки, во всем придерживаться точности. И это упорное стремление к точности разрушило много такого, что было в жизни красивого и ценного. Если нечто не поддается точному определению, ум пытается отрицать его существование.

Нельзя точно определить божественность, и ум говорит: «Значит, божественность не может существовать». Нельзя точно определить любовь; тогда ум говорит: «Любовь нам только пригрезилась, не более». Нельзя точно определить красоту; тогда ум говорит: «Красоту мы просто придумали. В ней нет ничего, кроме наших фантазий». Но что же тогда остается? Значит, в мире больше нет красоты, нет любви, нет добра? Значит, мир лишился всякого смысла? Нет, сам мир остался прежним и не лишился смысла; его лишает смысла только ваше доведенное до безумия стремление к точности.

Смысл – явление тонкое. Он как аромат цветка. Его нельзя поймать, потрогать руками, но он существует – сможешь ты его поймать или нет, сможешь ты положить его сейф или нет. Он все равно существует!

Как определить музыку? Если ты начнешь ее определять, она будет разрушена. Тогда останется только организованный набор звуков, не более... Определенного рода шум, организованный таким образом, чтобы он больше не казался шумом. Успокоительный, приятный для слуха шум. Только и всего? Неужели в музыке больше ничего нет? Нет, в музыке есть нечто большее, чем ноты; нечто большее, чем полная совокупность нот.

Если развивать этот вопрос дальше... тогда что такое поэзия? Только набор слов, расположенных в определенном порядке? Нет. Это нечто такое, что случается, когда слова расположены в определенном порядке, – но большее, чем опре-

деленный порядок слов. Это не грамматика, это не язык – это нечто трансцендентальное; нечто, вызываемое к жизни словами. Слова дают повод к тому, чтобы случилась поэзия.

И точно так же – в музыке. Инструменты, ноты, звуки слушают к тому, чтобы случилось молчание, – которое и есть музыка. Музыка – между двумя звуками, поэзия – между двумя словами; все, что живо и осмысленно, – между строк... Никогда не в самих строках – всегда *между* строк; нужно учиться читать в промежутках, в просветах, в паузах.

Но все же о молитве можно что-то сказать... – хотя ничего точного сказать нельзя, так что я не могу исполнить твоего желания. Этому препятствует сама природа молитвы, и кощунственно было бы пойти против ее природы.

Итак, первое, что я могу сказать о молитве: это чувство безмерной благодарности, признательности. У тебя есть возможность быть здесь, в этом мире, во всей его красоте, со всеми его деревьями и реками, горами и звездами. В этой поразительной красоте ты живешь, ты пульсируешь жизнью. Ты не заслужил этой возможности. Ты получил ее в дар. Молитва возносит благодарность за этот дар жизни. Просто дышать – это такая радость!.. просто открывать глаза – и видеть зелень листьев!.. – или щебетание птиц, или звуки бегущей воды, или безмолвие ночи в ее бархатной тьме... Или закат, или утренняя заря... мы этого не заслужили! Все это мы получили в дар, но даже не высказали благодарности.

Существует Бог или нет, но мы обязаны благодарностью.

Люди думают: «Если Бог есть, мы его поблагодарим». Я же говорю вам прямо противоположное: «Вы найдете Бога, если станете благодарить». Другого пути нет. Вы найдете Бога, если вы станете благодарны, потому что Бог случается лишь в этом измерении благодарности. Вы не смотрите ушами и не слушаете глазами: глаза могут только видеть, уши могут только слышать, — точно так, лишь благодарность может найти Бога, лишь благодарность способна чувствовать Бога.

И второе: молитва — это образ жизни. Это не определенный набор действий, выполняемый как некий утренний ритуал. Если молитва выполняется как ритуал, она теряет всякий смысл. Если молитва выполняется как ритуал, она не принесет тебе религиозности — она сделает тебя индуистом, она сделает тебя мусульманином, но не принесет религиозности. Пусть молитва будет чем-то абсолютно неформальным: чем-то из самого сердца... не ритуалом, — поспешно совершаемым по утрам, потому что «так надо»; потому что тебя так учили; потому что ты исполняешь свой долг. Не совершив ритуал, ты чувствуешь себя немного виноватым; совершив ритуал, ты не получаешь от него ни капли радости. Когда ритуал не совершен, получается только чувство вины. Чтобы избежать чувства вины, ты совершаешь ритуал Это не молитва.

Молитва — это образ жизни.

Что я имею в виду? Человек молитвы пребывает в молитве двадцать четыре часа в сутки. Он спит в молитве; сам его

сон – своего рода молитва. Во сне он так расслаблен, будто спит на руках у вселенной. Засыпая, он спит в божественности. Просыпаясь, он просыпается в божественности. Он открывает глаза, и первой в его сердце и в его существо входит благодарность, бесконечная благодарность. Он ест божественность, он пьет божественность. Он ступает в божественности. Он дышит в божественности, он дышит божественностью. Все его двадцать четыре часа молитва длится непрерывно. Как фоновая музыка на краю слуха, молитва звучит непрерывно. Что бы он ни делал, неважно: молитва продолжается.

Я не говорю, чтобы ты повторял «Рама, Рама, Рама» или «Алла, Алла, Алла». Повторение ничего не даст. Если ты начнешь повторять «Рам, Рам, Рам», – это нарушит нормальный ход жизни. За рулем – ты не сможешь нормально вести машину, потому что ум будет раздвоен. Ни в какую работу ты не сможешь вкладывать себя полностью. Так что не надо ничего повторять. Слова и повторение тут вообще не при чем; молитва – своего рода чувство, своего рода присутствие. Можешь представить себе спящую мать: ночью она спит, рядом спит ее ребенок... может быть, в сезон дождей, когда в небе тучи и гремит гром. Ее не разбудят раскаты грома. Но стоит ребенку чуть пошевелиться во сне, заплакать, и она тут же проснется. Гром не мог ее разбудить, но ребенок... Даже во сне некая часть ее существа помнит о ребенке. Так же и молитва.

Ты живешь повседневной жизнью, совершаешь обычные действия, работаешь, но глубоко внутри, в святая святых своего существа, хранишь непрестанный поклон существованию – продолжается молитва, продолжается благодарность. Иногда, в какой-то момент молчания, молитва выйдет на поверхность; в обычное же время она продолжается внутренне, подспудно.

В молитве *живут*; в молитве *не требуют*... В молитве тыверяешь себя молчанию и неизвестности существования.

Мы так малы; существование так необъятно... мы явились сюда лишь на считанные мгновения; существование же всегда было и всегда будет. Мы лишь небольшие волны в этом необъятном океане. Мы можем просить, но не вправе требовать. Мы можем просить, потому что мы не чужды существованию; мы в нем не посторонние. Мы ему сродни. Мы ему сопричастны. Существование населило нами свою вселенную. По воле существования мы существуем. Мы можем просить. Но в просьбе нет ноты требования. Мы благодарны, если просьба исполнена. Мы благодарны, если просьба не исполнена. Помни это. В этом красота молитвы.

Если просьба исполнена, мы благодарны, – очевидно. Если просьба не исполнена, мы все равно благодарны. Почему мы благодарны, даже когда просьба не исполнена? Потому что человек, который знает, что такое молитва, который живет молитвой, знает также, что иногда мы просим того, что для нас нехорошо. Существованию виднее. Если просьба по-

лезна для нас, она будет исполнена. Если просьба не полезна, она не будет исполнена.

Как-то я слышал...

Любимая кукла маленькой девочки упала и разбилась вдребезги. Всклипывая над осколками, девочка сказала брату:

– Я помолюсь Богу, чтобы он собрал осколки и сделал куклу целой.

– И ты думаешь, Бог ответит на твою молитву?

– Ответит. Вот увидишь.

Через два часа брат вернулся и спросил сестру:

– Ну как? Бог уже ответил?

– Ответил, – сказала она и указала на осколки. – Он сказал «нет».

Это и есть молитва. Ты вправе просить, но не вправе требовать. Нет – значит нет. В конце концов, решение принимает Бог. Требование подразумевает, что ты уже все решил. Требование означает: ты хочешь, чтобы существование исполнило твою волю. Просьба значит только: «Я кладу свое желание к твоим ногам, но на все твоя воля – да свершится воля Твоя; да приидет Царствие Твое...» Эти последние слова Иисуса на кресте – вот что такое молитва!

Остерхус говорит: «Никто не может молиться без слов, потому что никто не существует вне языка, и всё суть диа-

лог». Будда говорит, что молитва есть молчание. И оба правы. Остерхус прав – в определенном смысле это верно: никто не может молиться без слов, потому что никто не существует вне языка. Язык для нас почти то же самое, что для рыбы океан. Язык наш океан.

Так что Остерхус прав. И он вполне понимает важность языка, потому что он поэт. Только поэт вполне понимает важность языка – не лингвист, не грамматик. Грамматик знает только тело языка; поэт знает его сердце, его душу, его дух, его невидимое измерение. Остерхус прав: никто не существует вне языка, и всё суть диалог.

Да, молитва – это своего рода диалог. Часть говорит с целым. Часть обращается к целому. И этому диалогу тебе нужно будет научиться.

С тобой никогда не бывало, чтобы тебе вдруг захотелось заговорить с деревьями?.. – хотя ты прекрасно знаешь, что они тебе не ответят? Доводилось тебе иногда поздороваться с розой, цветущей на ветке? Может быть, ты ничего не говорил вслух, потому что это выглядело бы так нелепо, – но разве не возникало в тебе такого желания? Разве тебе не хотелось иногда поговорить со звездами? Если нет, ты потерял способность чувствовать. Доводилось тебе коснуться камня, – с любовью, с нежностью?.. ощущая его поверхность?.. Хотелось тебе когда-нибудь что-то сказать всему невидимому, что тебя окружает? Это и есть молитва, это и есть диалог.

Но придется набраться храбрости. Да, понадобится насто-

ящая храбрость — только тогда может случиться молитва. Очень легко ходить в церковь и молиться, потому что у людей так принято. Никто не назовет тебя сумасшедшим. Напротив, тебя станут считать высокорелигиозным человеком, достойным человеком, добрым христианином — или католиком, или индуистом. Ты получишь только всеобщее уважение. Но если ты станешь разговаривать с деревьями... Только подумай: разговаривать в церкви с распятием, то есть с куском мертвого дерева, можно — а заговорить с деревом, с живым деревом, нельзя! Но если разговаривать с живым деревом нельзя, как же можно разговаривать с распятием?

Начни разговаривать с существованием, с природой. Будь немного сумасшедшим. Освободись когда-нибудь из тюрьмы своего так называемого здравого ума. Он как раз и ведет к безумию, этот так называемый здравый ум. Каждый день тысячи людей сходят с ума. Каждый день тысячи людей на всей Земле кончают жизнь самоубийством. А миллионы продолжают жить серой и бесцветной жизнью — и не по какой-нибудь причине, а по одной-единственной: они не знают молитвы. Они не научились разговаривать с существованием. Они не сумели излить свое сердце. Знаешь, почему в современном мире психоанализ приобрел такое значение? Потому что люди разучились молиться.

Психоаналитик сейчас вытесняет священника, и по одной-единственной причине: раньше люди изливали сердце природе, теперь же они не находят, кому излить сердце. Они

идут к психоаналитику, они платят деньги. Психоаналитик слушает – они изливают сердце. Это абсолютно бессмысленно. С таким же успехом можно сидеть у себя в саду. К тому же в качестве психоаналитиков деревья куда как лучше: они слушают так внимательно, так чутко. Говори с камнями!.. Им можно сказать что угодно, они ни на что не обидятся. Ты сможешь излить сердце – и весь твой груз, все твоё напряжение спадет.

В прошлом жизнь человека была так свободна от тяжести, так свободна от напряжения. И причина та, что каждый умел войти в молитву. Молитва случалась естественно. Человек выходил к горам и рекам, к солнцу и к луне, и он разговаривал с ними... все это лица Бога!.. – проявления божественного. Трепещущие жизнью, пульсирующие этим мгновением, сейчас.

Так что, когда я говорю, чтобы ты начал разговаривать с деревьями, я даю тебе первый урок молитвы. Церкви созданы человеком. Избегай всего, что создано человеком, потому что все созданное человеком несет в себе весь человеческий невроз. Не лучше ли обратиться к чему-то, созданному Богом? Если ты хочешь почувствовать Бога, обратись к тому, что создано Богом, – иди туда, где ты найдешь его печать.

Церкви созданы человеком – и храмы, и мечети. В них ты найдешь только человека, человека со своей политикой. В них ты найдешь только человека, человека со всей своей глупостью. Деревья так не глупы; звезды так не глупы. Иди к

ним, открой им сердце – вступи в диалог с природой. И однажды случится чудо, когда внезапно ты увидишь, что дерево откликнулось. Тогда ты узнаешь, что такое молитва; тогда ты поймешь Остерхуса, который говорит, что молитва есть диалог. Да, однажды дерево отзывается – нужно только дождаться, нужно только, чтобы хватило терпения. Нужно только убедить дерево, что да, ты вправду обращаешься к нему или к ней, говоришь с ним или с ней – вот и все. На это потребуется немного времени.

Человек обходился с деревьями так жестоко, что они замкнулись и стали недоверчивы. Дай дереву понять, дай дереву почувствовать, что ты не сумасшедший, что в тебе нет насилия, нет агрессивности – что ты пришел к нему с любовью, с величайшей любовью.

Итак, молитва должна начаться с диалога – но с кем же? Я предлагаю диалог с природой. В такой диалог может вступить даже атеист. Я не привношу в него Бога. Сначала войди в диалог с природой – это азы молитвы. А затем, вместе с природой, мало-помалу, начни двигаться в молчание. Сидя рядом с цветущей розой, иди вместе с ней в молчание без мысли и слова: ты и роза, вместе без слов, и между вами – лишь пульс молчания... волны молчания.

В диалоге ты познаешь божественное в мире проявленного, в природном мире; в молчании же ты познаешь божественное как непроявленное. Будда тоже прав: он говорит о самой вершине молитвы. Но эта вершина становится дости-

жимой, только если ты начинаешь с того, что к тебе всего ближе. Путь к высочайшему начинается с самого близкого.

У древних иудеев было особое слово – *маранатха*. Оно значит: «Приди, Господь, приди!» Это и есть молитва: «Я готов. Мое сердце открыто тебе! Я жду Приди, Господь, приди!» — ...ожидая с величайшим терпением, распахнув настежь все свои двери и окна, чтобы его ветер свободно веял в тебе, чтобы его солнце проникло в святая святых твоего существа и наполнило тебя светом: «Приди, Господь, приди!»

У иудеев было еще другое слово, *осанна* – что значит «Приди и избавь нас! Приди и избавь нас от нашего невежества! Приди и избавь нас от нашей ограниченности. Приди и избавь нас от наших пределов, освободи из этой тюрьмы, в которую мы сами себя заточили. Приди и дай нам свободу! Приди и избавь – приди и освободи нас!»

Само имя Христа, «Иисус», значит: «Тот, кто освобождает». Изначально его звали Иешуа – или Иисус. Его имя значит: «Пришедший, чтобы освободить». Слова «Осанна» и «Иешуа» на иврите однокоренные, и они связаны друг с другом как вопрос и ответ, как надежда и осуществление, как молитва и отклик, ответ молитве.

Если в молитве ты поглощен, жарко и страстно, ответ приходит. Иисус стал ответом на многие молитвы. Будда стал ответом на многие молитвы, – как и Махавира, и Мухаммед, и Нанак. Это ответы! Прими их как ответы тем многим, кто молился. Мастер появляется, когда ученик готов, –

никак иначе. Если ученик воистину подготовил сердце, открылся, стал уязвимым, сбросил с себя доспехи – мгновенно появляется мастер. Ученик – это вопрос; мастер – ответ.

Молитва как мост между вопросом и ответом, между учеником и мастером, между искателем и искомым, между самым близким, непосредственно близким и самым далеким, высочайшим, между желанием и осуществлением.

Молитва рождается из нашей любви, в переживании любви – точно так же, как когда мы обращаемся друг к другу... Может быть, тебе приходилось чувствовать, каким разным может быть одно и то же слово? Мы говорим одними и теми же словами, но качество меняется. Когда слово «ты» обращено к человеку, который тебе безразличен, в этом слове нет молитвы... Но когда ты говоришь «ты» женщине или мужчине, которых любишь, – слово одно и то же, но качество стало иным. Когда ты говоришь то же самое слово «ты» любимой женщине, в нем есть молитва, в нем есть любовь. Слово трепещет жизнью, пульсирует, струится. Когда ты говоришь «ты» первому встречному на базарной площади, это слово безжизненно.

Молитва постепенно возникла из опыта любви. Когда один человек любит другого, он наполняется величайшей радостью, – и тем, кто достаточно разумен, тем, кто достаточно осознан, однажды стало ясно: «Если любовь к одному человеку приносит столько радости, сколько же радости мне принесет любовь ко всему сущему!» Любовь проложила путь

молитве.

Когда люди любят, они молятся друг другу. Посмотрите, какие у них глаза, когда они смотрят друг на друга. Этот священный взгляд. Может быть, он не продлится дольше мгновения, но в это мгновение пылает пламя. В это мгновение является вестник запредельного. Когда люди любят, они молятся друг другу. Так один влюбленный говорит другому «ты» – в этом слове звучит уважение, и доверительность, и отчаянная жажда. Так кто-то говорит тебе «ты» – и в этом слове звучит надежда, и трепет, и трепет, и сила; и в голосе слышится просьба или ласка.

Может быть, молитва Богу выросла из особенной манеры влюбленных, из их особенного тона, когда они обращаются друг к другу... Да, именно так занималась заря молитвы в человеческом сознании. Если мы можем сказать существованию «ты», – с величайшей любовью, трепетно, отчаянно; стремясь, умоляя, прося; со слезами на глазах, в надежде, в беспомощности, – если мы можем сказать существованию «ты», – это молитва, начало молитвы. Приходит момент, когда исчезают также «я» и «ты» – это конец молитвы, ее кульминация, ее вершина.

В давние времена молитва была настолько в природе вещей, что ни в одном писании не объясняется, что такое молитва. Веды не объясняют, что такое молитва. Коран не объясняет, что такое молитва. Молитва была настолько в природе вещей, считалась чем-то само собой разумеющимся, са-

моочевидным... Когда нечто самоочевидно, никто не задает вопросов. Теперь же люди спрашивают, что такое молитва, что такое любовь? Эти вещи исчезли из жизни; они превратились в вопросы.

Если вернуться в прошлое, к самым истокам человеческого сознания, никто не спрашивал: «Что такое Бог? Кто такой Бог? Существует ли Бог?». Бог будто ходил среди людей, жил на Земле среди людей. Бог был так очевиден, что ни у кого не вызывал вопросов. Подумай только: спрашивает ли кто-нибудь: «Что такое солнце?.. что такое свет?» – никто не спрашивает.

Но если однажды все человечество внезапно ослепнет, и среди людей явится зрячий, его будут спрашивать: «Что такое солнце?.. что такое свет?» Вопрос просто показывает наше духовное оскудение – как низко мы пали.

В Библии у молитвы нет даже названия. Молитва была таким распространенным опытом, что не нуждалась даже в названии, – в зависимости от своих чувств люди звали, или радовались, или смеялись, или бранились, или умоляли, и все это было молитвой. Но у самой молитвы нет единого названия.

Человек утратил многие способности, и одной из самых важных была способность молиться – потому что только в молитве мы возводим мост между нашим крошечным «я» и бесконечностью, абсолют.

Ты спрашиваешь: «Что такое молитва? Можно ли сказать

точно?»

Я не могу дать точного определения – я могу только указать. Я могу намекнуть. Какие-то указания, намеки я могу тебе дать, но познать молитву ты должен будешь из собственного опыта.

Говорят, людей можно разделить на три группы: тех, усилиями которых что-то происходит; тех, кто наблюдает за тем, что происходит; и тех, кто недоумевает: что происходит? Пожалуйста, примкни к первой категории. Иди в молитву – это единственный способ узнать, что это такое. Люби, если хочешь знать, что такое любовь, – испытай ее вкус. Как можно объяснить человеку, никогда не пробовавшему вино, что это такое и что от него бывает? Он никогда не был пьян. Объяснить никак невозможно. Можно только пригласить его выпить вина, дать ему вина. Пусть он почувствует, что потерялся. Пусть он забудет мир. Пусть он исчезнет в мире опьянения... – и тогда он узнает. Никак по-другому узнать нельзя.

Молитва – это своего рода опьянение. Молитва опьяняет божественным. Но ее знают только пьяницы – знают точно, что это такое. И даже те, кто ее знает, не могут выразить ее словами. Пусть она станет опытом. Давай не будем просто говорить о ней – давай войдем в нее. Сейчас же! Если ты почувствуешь благодарность, тебя окружит великое молчание, на тебя изольется великое благословение. Сейчас же!.. в этот миг!.. ты можешь быть благодарен за все, что сделало

для тебя целое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.